

УДК 17.00.00

Феномен небоскреба. Проблема большого в архитектурной теории Рема Колхаса

Элькина Мария Борисовна

Аспирант,

отдел новейших течений Государственного Русского музея,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 4;
e-mail: mariaelkina@gmail.com

Аннотация

В 1976-м году Рем Колхас в книге «Нью-Йорк вне себя» обозначил проблему большого масштаба зданий. Существовая автономно от остального города, они стали поглощать привычную уличную жизнь. Одна из важнейших задач для современных архитекторов и проектировщиков – научиться создавать органическую связь между гигантскими постройками и городом. Начиная с 1960-х годов архитекторами нередко высказывались идеи относительно того, чтобы мегаполисы, чтобы вернуть общественную жизнь на улицы, должны вернуться к градостроительным паттернам прошлых веков. Таковы, в частности, идеи Нового урбанизма и во многом (хотя лишь отчасти) датского урбаниста Яна Гейла. Однако подобные предложения крайне трудны в реализации, так как на практике мир не может вернуться ни к экономической, ни к демографической ситуации более раннего времени. Нужны стратегии и методы, которые позволили бы наладить взаимодействие между зданием и городом в предложенных условиях. Автор статьи приходит к выводу, что увеличение масштаба и усложнение программ зданий в современном мегаполисе – скорее заданное условие, чем выбор. Задача архитекторов и планировщиков заключается в том, чтобы научиться делать большое органической частью города, которая бы не поглощала его, а, наоборот, обогащала.

Для цитирования в научных исследованиях

Элькина М.Б. Феномен небоскреба. Проблема большого в архитектурной теории Рема Колхаса // Культура и цивилизация. 2016. № 4. С. 401-409.

Ключевые слова

Архитектурные теории, урбанизм, Рем Колхас, небоскреб, масштаб, мегаполис.

Введение

Книга Нью-Йорк вне себя, написанная Ремом Колхасом в 1972-м году, стала не только уникальной в своем роде историей строительства Нью-Йорка, но и книгой, обращающей внимание на реалии больших мегаполисов, которые до Колхаса оказывались за пределами внимания профессионалов. Рем Колхас смотрит на Манхэттен как на явление, возникшее стихийно, и пытается вычлнить рецепт сложившейся на нем городской среды с тем, чтобы иметь возможность сознательно его применять.

«Манхэттанализм – одна из тех идеологий урбанизма, которая исходила из главной идеи любого мегаполиса – нахождения слишком большого количества людей на небольшой площади, а, следовательно, *очень высокой плотности* среды. И он свято верил в то, что это и есть основа создаваемой им новой культуры. Архитектура Манхэттена – это *парадигма больших масс*».

«Попытка формулирования Манхэттанализма задним числом – довольно сложная вещь. Она содержит в себе большое количество утверждений, стратегий, технологий, которые не только объясняют, как город развивался в прошлом. Все они актуальны и сегодня и представляются достаточным поводом ко второму пришествию Манхэттанализма, на этот раз в качестве ясно выраженной доктрины, которая могла бы покинуть остров своего происхождения и занять место среди современных теорий построения городской среды.

«Используя Манхэттен в качестве примера, я в этой книге попытаюсь смоделировать *культуру концентрации*» [Koolhaas, 1994, 10].

Единица измерения – небоскреб

Рем Колхас подходит к задаче многосторонне, его книга, помимо всего прочего, – это коллекция редких фактов и остроумных размышлений, многие из которых ценны сами по себе, даже в отрыве от общей концепции. Тем не менее, автор стремится по мере того, как он переворачивает страницы истории строительства Манхэттена, как можно более точно описать те формальные принципы, на которых зиждется манхэттанализм, описать его архитектуру со степенью конкретизации достаточной для того, чтобы можно было воссоздавать ее базовые свойства. Единицей измерения нью-йоркской архитектуры Колхас выбирает небоскреб – именно он был главным ноу-хау строителей города. Самый важный принцип манхэттанализма, скорее даже, его исходное условие – это «нахождение слишком большого количества людей на небольшой площади» [там же]. Соответственно, небоскреб ценен в этой системе тем, что он имеет максимальную вместимость при минимальной площади отпечатка [там же, 71].

Большая вместимость здания, однако, имеет побочный эффект, который сам Рем Колхас называет лоботомией. Он заключается в том, что из-за величины здания происходит разрыв

естественной, привычной связи между интерьером и экстерьером, а, значит, и между самим зданием и окружающим его городом.

«У зданий есть интерьер и экстерьер. В западной архитектурной традиции существовало гуманистическое представление о том, что они должны быть связаны: желательно, чтобы внешний вид здания имел какие либо указания на то, что происходит внутри него. «Честный» фасад говорит о назначении здания. Однако чисто математически объем трехмерных объектов возрастает в кубической прогрессии, в то время как внешняя оболочка – всего лишь в квадратной: все меньшая и меньшая поверхность должна представлять все большие и большие возможности внутреннего объема».

«Когда достигается определенная критическая масса, отношения между ними окончательно прерываются, и этот разрыв и есть симптом возникновения Памятника самому себе. В отсутствии связи содержимого и содержащего дельцы Нью-Йорка обнаруживают для себя беспрецедентную свободу. Они используют ее как аналог лоботомии – хирургической операции, проводимой при лечении некоторых душевных заболеваний, во время которой удаляются связующие части между двумя отделами головного мозга, и, таким образом, мыслительный процесс отделяется от эмоций».

«Архитектурный аналог этой операции отделяет фасад от интерьера» [там же, 100-101].

Феномен небоскреба – это и есть феномен разрыва между внешним и внутренним, который происходит не только на семантическом уровне (памятник самому себе), но и функционально [Eisenman, www]. Последнее вытекает из еще одного свойства небоскреба – отсутствия связи не только между формой и содержанием, но и между разными этажами самого небоскреба. Рем Колхас называет его «вертикальный раскол» и объясняет на примере карикатуры, появившейся в одном из популярных журналов в начале двадцатого века, «... тонкая стальная конструкция поддерживает 84 горизонтальных плоскостей, все размером с основание».

«На каждом этаже, как на отдельном участке земли, как *если бы другие не существовали*, устраивается частное владение: хозяйский дом и служебные постройки – конюшни, домики для прислуги и т.д. «Виллы» на 84 этажах имеют самую разную социальную принадлежность, от сельской хижины до дворца; явное различие их архитектурных стилей, разные сады, беседки и т.д. создают на каждой остановке лифта свой образ жизни и, следовательно, свою идеологию, но все они поддерживаются одним и тем же совершенно нейтральным каркасом».

«Для урбанизма такая неопределенность означает, что участок земли больше не может быть предназначен для какой-то конкретной цели. С этого момента любая часть мегаполиса может стать – по крайней мере, в теории – местом самых разных и непредсказуемых занятий; это делает архитектуру актом предвидения в гораздо меньшей степени, чем раньше, а планирование территорий актом лишь очень общих предсказаний» [там же, 82-83].

Колхас, как мы видим, говорит не просто о многофункциональности, а о возможности применения на разных этажах разной архитектурной иконографии. Обретая многофункциональность и разнообразие тематического содержания, небоскреб структурно сам становится подобием города. В то же время, город, образованный кварталами-небоскребами, Колхас сравнивает с гигантской деревней. Манхэттен известен своей простой регулярной планировкой – улицы и авеню делят остров на 2028 кварталов. Закон о зонировании, принятый в 1916-м году, закрепил ситуацию, когда здание занимало квартал целиком:

«Закон 1916-го года навсегда определяет Манхэттен как собрание 2028 колоссальных фантомных «домов», которые вместе образуют «Мега-Деревню». И хотя каждый дом имеет собственных обитателей, программу, приспособления, инфраструктуру, технику и технологии редкой оригинальности и сложности, изначальный формат «деревни» никогда не будет подвергнут опасности» [там же, 107-108].

Мы полагаем, что сравнение с сельским поселением появилось у Колхаса неслучайно: если город мы привычно воспринимаем как целое, где членения на участки/помещения играет вторичную роль, то в деревне, несмотря на наличие коммуникации, именно разделение между участками/домами является ключевым фактором [Heys, 1998; Rogers, 1991]. Однако, в отличие от домов в деревне, кварталы Нью-Йорка находятся друг с другом в отношениях конкуренции, продиктованных коммерческими реалиями [Gehl, 2016; Gehl, 2013]. Таким образом, Манхэттен, в данном случае синоним современного мегаполиса, представляется как набор островов, где улицы их скорее отделают друг от друга, чем связывают, и где каждый дом-остров существует автономно, как самостоятельное владение [Rossi, www].

Разрыв интерьера и экстерьера – это не только разрыв между программой здания и его формой, но и между пространством внутри него и пространством снаружи. В конечном итоге, результатом такого разрыва становится изменения баланса между общественным и частым в сторону последнего [Johnson, 1988]. Мы не можем не обращать внимание, что Колхас большое внимание уделяет тому, как в небоскребах – будь то УолдорфАстория или дома вокруг Таймс Сквер – происходят всевозможные публичные действия, предполагающие большие скопления людей. Обычная уличная жизнь не просто исчезла в описываемом Колхасом городе, а перекочевала внутрь, оказалась на частной территории.

Город в такой ситуации представляется архипелагом, серией островов, а улицы – каналами, которые осуществляют связь между ними, не имея самостоятельной ценности.

Мы знаем, что в реальном Манхэттене это не вполне так – его улицы имеют много общего с привычными улицами в европейском городе, построенном в «гуманистической» традиции [Kurokawa, 1991]. Однако Колхас описывает Манхэттен как модель, в которой проекты имеют то же значение, что и реально существующий остров: «я в этой книге описываю теоретический Манхэттен, Манхэттен как гипотезу, где реально существующий город является лишь компромиссной и несовершенной реализацией» [там же, 11]. Манхэттен таким не стал, но мог бы стать, если бы была осуществлена идея Харви Вилей Корбета,

который хотел отдать всю ширину улиц на уровне земли под движение автомобилей, а пешеходные дорожки сделать висячие на уровне второго этажа [там же, 120].

Мы оставим в стороне вопрос о том, насколько модель Колхаса релевантна по отношению к современным большим городам. Если она и была реализована где-то в полной мере, то скорее в Азии, например, в Гонконге. В том же, что касается отдельного здания, Колхас не просто точен, а описал архитектурную болезнь века. Большое многофункциональное здание – порождение развития технологий и урбанизации, начавшихся в XIX веке и продолжившихся в XX и XXI, действительно, создает проблему связи между городом и отдельным его элементом [Nesbitt, 1996]. Небоскреб в данном случае видится как частный случай большого здания, наиболее вероятный в условиях ограниченного количества земли и высокой цены на нее, но вовсе не единственно возможный. Сам Колхас спустя два десятилетия в книге «S, M, L, XL» обобщил свою мысль, сформулировав применительно уже не только к небоскрегам, но и вообще к любым большим объектам архитектуры. В эссе «Великое или проблема Большого» Колхас снова утверждает, что сам по себе размер постройки порождает новые паттерны градостроительства.

«Если Большое трансформирует архитектуру, то его аккумулятивное генерирует новый вид города. Экстерьер города – больше не коллективный театр, где «все» случается, потому что больше нет никакого коллективного «всего». Улица стала сухим остатком, организующим механизмом, всего лишь участком на поверхности мегаполиса, где остатки прошлого сталкиваются с атрибутами новой жизни в непростом противостоянии. Большое может существовать *где угодно* на этой поверхности. Мало того, что Большое не способно устанавливать взаимоотношение в классическим городом – в лучшем случае, оно с ним сосуществует – но количество и качество предлагаемых им удобств само по себе имеет городской размах».

«Большому больше не нужен город: оно соревнуется с городом, оно представляет себя как город, оно подменяет собой город, или, лучше всего сказать, что оно и *есть* город».

«Большое – это та архитектура, которая, за счет независимости от контекста, может выживать в глобальной сейчас ситуации «tabularasa», и даже эксплуатировать ее: оно не черпает вдохновение из данностей, выжимая из них последнюю каплю смысла; оно оппортунистически тяготеет к местам, предоставляющим наибольшие инфраструктурные возможности; оно является, в конце концов, своим собственным *raison d'être*» [Koolhaas, 1998].

Размер здания в позапрошлом и прошлом веках менялся не только в высоту. Каркасные конструкции изменили их внутреннюю структуру сооружений, предоставив потенциал для создания монолитных пространств и, вместе с тем, их более свободного членения. Большие возможности в интерьерах, в свою очередь, привели к тому, что они все труднее увязывались с внешней структурой. Параллельно происходили три процесса: усложнение функционала зданий, увеличение количества людей, которые здания должны обслуживать, и появление, благодаря каркасным и модульным конструкциям, большей свободы в структуре, как внешней, так и внутренней. Гигантизм, описанный Колхасом, является не просто эффектом математического увеличения размера построек, но общим результатом всех перечисленных

процессов. Средневековая башня, независимо от высоты, не может иметь свойств небоскреба именно за счет радикального отличия во внутренней структуре одного и другого. Таким образом, мы охарактеризовали бы феномен небоскреба, или «большого» как имеющий относительную, а не абсолютную природу, как способность меньшего вмещать большее, не только большее количество квадратных и кубических метров, но и большее разнообразие программ. В конечном итоге – как способность здания вмещать город.

Модель отдельного здания-острова, предложенная Колхасом, оказалась довольно точным обозначением некоего повсеместно присутствующего в архитектуре явления.

Заключение

Эффект необусловленной монументальности в купе с отсутствием органичной интеграции в городскую ткань мы наблюдаем, скажем, в московских высотках. Жилой дом на Котельнической набережной архитектора Дмитрия Чечулина (1952), Министерство иностранных дел Владимира Гельфрейха и Михаила Минкуса (1953) и главное здание Московского государственного университета Льва Руднева (1953) если и имеют стилистические отличия, то никак не объясняющиеся их назначением. Их монументальность и репрезентативность являются градостроительной самоцелью, никак не связанной с функцией.

Любой небоскреб будет хотя бы отчасти обладать названными выше свойствами, так как в большей или меньшей степени для высотного здания они, действительно, оказываются типологически неизбежны. Башня Монпарнас (Jean Saubot, Eugène Beaudouin, Urbain Cassan, Louis Noum de Marien, 1969-1972) в Париже, здание CCTV (OMA, 2012) того же Рема Колхаса в Пекине или Бурж Халифа (Skidmore, Owingsand Meril, 2010) в Дубаи – все они, несомненно, представляют собой то, что в английском языке называется словом *landmark*, то есть ориентир, достопримечательность, заметный объект на местности (совершенно не важно при этом, положительный или отрицательный будет оттенок смысла у такого обозначения). Какое количество людей из тех, что знают башню Монпарнас в Париже представляют себе, что находится внутри нее? Особенно из тех, кто в Париже не живет? И как часто в рейтингах самых высоких зданий мира мы встречаем упоминание их функционального назначения? Недостроенный отель Рюген (Baikdoosan Architects&Engineers, 1987-....) в Пхеньяне известен в первую очередь своей беспрецедентной для КНДР высотой, brutальной формой пирамиды и тем фактом, что он строится уже много лет, и если бы это была не гостиница, а офисное, жилое или многофункциональное здание, это никак не повлияло бы ни на перечисленные факты, ни на то, какое впечатление производит его силуэт, как в городе, так и на многочисленных изображениях в интернете.

Не менее точно, чем небоскребы, иллюстрацией к описанной Колхасом модели могут служить так называемые многофункциональные центры или комплексы, отвечающие не только критерию соотношения «все большего объема ко все меньшей площади поверхности», но и наличия внутри суррогата публичных пространств и того, что Колхас называет «иконографи-

ями». К ним можно отнести недавно построенную «Галерею» (Владимир Григорьев и партнеры, 2011) в Петербурге или торговый центр Alexa (Ortner and Ortner, 2007) у Александр платц в Берлине. Сооружения подобного типа снаружи представляют собой непроницаемую коробку, а внутри – целый город. В отличие от традиционных универмагов, они занимаются не только торговлей, но и предоставляют всевозможные развлечения, от ресторанов и кафе быстрого питания до кинотеатров, не говоря о том, что многие из них могут содержать офисные этажи и даже гостиницы. Чем больше функций – тем лучше, тем больше людей и на более длительный промежуток времени сможет привлечь такой комплекс. Именно так на практике часто реализуется идея Колхаса об автономных площадках, которые поддерживают друг друга не только в буквальном, но и в переносном смысле. Многофункциональность определяет, кроме прочего, еще и степень успешности в конкуренции с другими зданиями.

Начиная с 1960-х годов архитекторами нередко высказывались идеи относительно того, чтобы мегаполисы, чтобы вернуть общественную жизнь на улицы, должны вернуться к градостроительным паттернам прошлых веков. Таковы, в частности, идеи Нового урбанизма и во многом (хотя лишь отчасти) датского урбаниста Яна Гейла. Однако подобные предложения крайне трудны в реализации, так как на практике мир не может вернуться ни к экономической, ни к демографической ситуации более раннего времени. Нужны стратегии и методы, которые позволили бы наладить взаимодействие между зданием и городом в предложенных условиях. В этом отношении вдохновляющими могут быть примеры того, как архитекторы находили метод интегрировать «большую» постройку в городскую ткань. Скажем, Ричард Роджерс в небоскребе Leadenhall (2014) оставил открытым первый этаж, тем самым создав новое городское пространство и «растворив» границы между своим небоскребом и улицей лондонского сити. В то же время, есть и другой путь – когда концепция острова сохраняется, но им становится уже не одно здание, а целый сложно устроенный квартал. Так устроены Porta Nuova в Милане и Donau City в Вене. Кварталы стоят на платформе, отделяющей пешеходный уровень от автомобильного. Это уже не здание-город, а несколько зданий, с как бы естественными улицами и площадями, уже не прячущимися «под крышей». Говорить о разрыве внешнего и внутреннего здесь уже невозможно, можно утверждать лишь обособленность всего комплекса от внешнего мира, в то время как связь интерьера зданий с внешней средой происходит органично, за счет создания на территории между зданиями связывающего их в одно публичного пространства. Такие комплексы, появившиеся спустя почти пятьдесят лет после того, как Колхас сформулировал теорию здания-острова, являются, несомненно, компромиссом между большим масштабом современных построек и дорог и малым, «человеческим» масштабом, который является естественной, гуманистической средой для человека.

Увеличение масштаба и усложнение программ зданий в современном мегаполисе – скорее заданное условие, чем выбор. Задача архитекторов и планировщиков заключается в том, чтобы научиться делать большую органической частью города, которая бы не поглощала его, а, наоборот, обогащала.

Библиография

1. Eisenman P. Post-Functionalism. *Oppositions*. Fall 1976. URL: <http://faculty.arch.utah.edu/miller/post%20functionalism.pdf>
2. Gehl, J. *Life Between Buildings: Using Public Space*. Island Press. 2011. 216 p.
3. Gehl J. *Cities for People*, Island Press, 2013. 288 p.
4. Heys M. *Oppositions reader, Selected readings from a Journal for Ideas and Criticism in Architecture 1973-1984*. New York. Princeton architectural press, 1998. 720 p.
5. Heys M. *Architectural theory since 1968*. MIT Press, 1998. 824 p.
6. Johnson Ph., Wigley M. *Deconstructivist architecture*. New York: MOMA, 1988. 104 p.
7. Koolhaas R. *Delirious New York*, Monacelli press, New York, New York, 1994
8. Koolhaas R. S, M, L, XL. New York: The Monacelli press, 1998.
9. Kurokawa K. *Intercultural Architecture. The Philosophy of Simbiosis*. London, 1991. 208 p.
10. Nesbitt K. ed. *Theorizing a New Agenda for Architecture: Anthology of Architectural Theory 1965-1995*. Princeton Architectural Press, 1996. 606 p.
11. Rogers R. *Architecture: A Modern View*. Thames and Hudson, 1991. 64 p.
12. Rossi, A. *The Architecture of the City*, New York. New York: MIT press, 1982. URL: http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic80806.files/Week_8/RossiA_Architecture_of_the_City.pdf

The phenomenon of a skyscraper. The problem of huge buildings in architectural theory of Rem Koolhaas

Mariya B. El'kina

Postgraduate,
Contemporary Art Department,
State Russian Museum,
191186, 4 Inzhenernayast., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: mariaelkina@gmail.com

Abstract

In 1976 Rem Koolhaas in his book "Delirious New York" outlined the problem of large-scale buildings. Existing independently from the rest of the city, they began to absorb the usual street life. One of the most important tasks for modern architects and designers is to learn how to create an organic link between the huge buildings and the city. Since the 1960s, architects often said that metropolitan areas must return to the urban development patterns of the past

centuries to restore the social life of the streets. These are, in particular, the ideas of New Urbanism and mostly of the Danish urbanist Ian Gale. However, such proposals are extremely difficult to implement, since in practice the world can not go back to any economic or demographic situation of the previous time. We need strategies and methods, which would allow for interaction between the building and the city in the proposed conditions. The author comes to the conclusion that the increase in the scale and complexity of building programs in the modern metropolis are more predetermined condition than the choice. The task of architects and planners is to learn how to make huge buildings an organic part of the city. They should not absorb the city, they should enrich it.

For citation

El'kina M.B. (2016) Fenomen neboskreba. Problema bol'shogo v arkhitekturnoi teorii Rema Kolkhasa [The phenomenon of a skyscraper. The problem of huge buildings in architectural theory of Rem Koolhaas]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 4, pp. 401-409.

Keywords

Architectural theory, urbanism, Rem Koolhaas, skyscraper, scale, metropolis.

References

1. Eisenman P. (1976) *Post-Functionalism. Oppositions*. Available at: <http://faculty.arch.utah.edu/miller/post%20functionalism.pdf> [Accessed 27/07/16].
2. Gehl J. (2013) *Cities for people*. Island Press.
3. Gehl, J. (2011) *Life between buildings: using public space*. Island Press.
4. Heys M. (1998) *Architectural theory since 1968*. MIT Press.
5. Heys M. (1998) *Oppositions reader. Selected readings from a Journal for ideas and criticism in architecture 1973-1984*. New York. Princeton architectural press.
6. Johnson Ph., Wigley M. (1988) *Deconstructivist architecture*. New York: MOMA Publ.
7. Koolhaas R. (1994) *Delirious New York*. New York: Monacelli press.
8. Koolhaas R. (1998) *S, M, L, XL*. New York: Monacelli press.
9. Kurokawa K. (1991) *Intercultural architecture. The philosophy of symbiosis*. London.
10. Nesbitt K. (ed.) (1996) *Theorizing a new agenda for architecture: anthology of architectural theory 1965-1995*. Princeton Architectural Press.
11. Rogers R. (1991) *Architecture: a modern view*. Thames and Hudson.
12. Rossi, A. (1982) *The architecture of the city, New York*. New York: MIT press. Available at: http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic80806.files/Week_8/RossiA_Architecture_of_the_City.pdf [Accessed 27/07/16].